

ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК В СТИХАХ И. АКСАКОВА

В вступительной статье к изданию Аксакова в Большой серии «Библиотеки поэта» А. Г. Дементьев и Е. С. Калмановский писали: «Лирический герой многих стихотворений Аксакова – это своеобразная разновидность так называемого «лишнего человека» [1,14]. Однако этим совершенно верным, но мельком брошенным замечанием дело и ограничилось. Между тем эта проблема заслуживает, как мы считаем, рассмотрения в соответствующем историческом и литературном контексте.

Считается, что термин «лишний человек» ввел в оборот Тургенев в 1850 г., дав своей повести название «Дневник лишнего человека». Но соответствующий тип, наиболее характерные черты которого: чуждость официальной жизни, душевная усталость, скептицизм, рефлексия, разлад между словом и делом, общественная пассивность – сложился намного раньше. У нас при упоминании о лиших людях, прежде всего, приходят на память ставшие классическими их изображения в литературе – образы Онегина, Печорина, Рудина, Бельтова. Между тем неоспоримо, что прежде чем выйти на страницы романов, лишние люди появились в жизни, т.е. этот тип должен быть рассмотрен, прежде всего, как феномен русской действительности второй четверти XIX века. Здесь следует, прежде всего, обратиться к Герцену, который в молодости сам принадлежал к этому поколению, а потом стал его первым историком и впервые осмыслил роль лиших людей в истории русского общества. Герценовская формула «Мы Онегины», которую он использовал не раз, настолько красноречива, что говорит сама за себя. Ценный материал, подтверждающий оценки Герцена, оставили его ближайший сподвижник Огарев, а также Белинский, который, по позднему отзыву И.И. Панаева, был «полным отголоском» «того поколения, которое произвело лиших людей» [2,254]. В этом ряду должен быть назван и молодой Бакунин, который, по словам его биографа, «был тем именно живым, из плоти и крови русским человеком, который в художественной литературе нашей получил отражение в типах «лиших людей» – и не случайность сделала его прообразом тургеневского Рудина» [3,88]. Психологический облик лишнего человека явственно проступает в Н. В. Станкевиче и членах его кружка, в одаренном литераторе и мыслителе В. С. Печерине, которого в свое время успешно изучал М. О. Гершензон, но позднее он оказался забыт, а его наследие не опубликовано.

Б.Ф. Егоров обращал внимание на черты психологического облика лишнего человека, увиденные им в личности и творчестве Аполлона Григорьева. «Лишний человек», – писал он, – это не романтическая выдумка, а печальная реальность сороковых – начала пятидесятых годов. И сам Григорьев представлял собой жизненно типичного лишнего человека» [4,14]. Стоит напомнить и слова Горького из его «Истории русской литературы»: «... Рудин – это и Бакунин, и Герцен, и отчасти сам Тургенев, а эти люди, вы

знаете, недаром прожили свою жизнь и оставили для нас превосходное наследство» [5, 176]. Когда Герцен в статье «Лишние люди и желчевики» и в других публицистических выступлениях вел полемику с Добролюбовым, Чернышевским, Дружининым и другими критиками за исторически справедливое отношение к лишним людям, речь шла, конечно, не о литературных героях, не о толковании художественных произведений, а о живых людях, о судьбе поколения, ознаменовавшей собой важный этап духовной истории русского общества. Естественно, психологический облик этого поколения нашел отражение в литературе. До сих пор главное внимание было привлечено к романам Лермонтова, Тургенева, Герцена, и для этого, безусловно, есть достаточные основания. Но не следует недооценивать и тот факт, что духовный мир лишнего человека нашел многогранное отражение и в лирической поэзии. Для нас этот материал представляет особый интерес, поскольку именно в его контексте может быть определено и объяснено своеобразие подхода к этой проблематике в стихах И. Аксакова.

На наш взгляд, справедливо было бы признать, что едва ли не впервые данный материал был рассмотрен в книге Л. Г. Фризмана «Творческий путь Баратынского» [6]. Автор предпринял попытку увидеть в стихах Баратынского последекабрьского периода лирическую исповедь лишнего человека. Такое название, к слову сказать, носит одна из глав книги. Возможно, у Л. Г. Фризмана были основания видеть автора такой исповеди именно в Баратынском. Тем не менее, очевидно, что аналогичным путем шли и его современники: Огарев, Клюшников, Губер, Григорьев и другие более или менее значительные поэты. Попытаемся определить, какие черты лишнего человека русские поэты выделяют как типические. Одной из самых характерных таких черт было едва ли не болезненное пристрастие к рефлексии, размышлению, самоанализу, резонированию, ко всему, что тогда охотно обозначали немецким глаголом «grübeln». «Наш век есть век сознания, философствующего духа, размышления, рефлексии», – писал Белинский [7,518]. Состояние своего духа он называл «страждущим, рефлектирующим, резонерствующим» [7,437]. Герцен так характеризовал эту черту своего поколения: «Отличительная черта нашей эпохи есть «grübeln». Мы не хотим шага сделать, не вразумев его, мы беспрерывно останавливаемся, как Гамлет, и думаем, думаем...» [8,490]. «Гамлет – ведь это же чисто я», – заявлял Огарев [9,372]. «Мы все слабы, все Гамлеты», – признавался Бакунин [10,174]. Станкевич писал о трагедии Шекспира: «...Надобно признаться, что у нас много общего с героем пьесы» [11, 509]. Позднее, оценивая это явление с высоты прожитого и осмысленного, Герцен отметит в «Былом и думах», что «характер Гамлета» возникает особенно в эпоху сомнений и раздумья» [8,37]. А Тургенев назвал одного из изображенных им лишних людей «Гамлетом Щигровского уезда». Как писал Ю. Д. Левин в своем фундаментальном исследовании «Русский гамлетизм», «имя Гамлета связывается в России с понятием «лишнего человека» [12, 216].

Необыкновенная чуткость Пушкина продиктовала ему в стихотворении «Череп» такое обращение к Дельвигу:

Или как Гамлет- Баратынской
Над ним задумчиво мечтай [13, 72]

Хотя в контексте этого стихотворения оно как будто лишь воскрешает одну сцену трагедии – монолог Гамлета о черепе Иорика, сопоставляемый с стихотворением Баратынского «Череп», использование имени шекспировского героя для характеристики русского поэта было настолько глубоким, что формула «Гамлет-Баратынский» стала крылатой. Колебания, сомнения, способность испытывать противоречивые стремления характерны для лишних людей, и мы видим их не только у Баратынского. Может быть, Баратынский и отчасти Лермонтов выразили эти настроения в более художественно совершенных стихах, но важно видеть, что речь идёт не о чертах их индивидуального философского и психологического образа, а о черте времени, может быть, в каком-то смысле болезни времени, которой переболели «многие жившие в ту пору большие и малые поэты. Можно вспомнить и стихотворения Огарева: «Дорожное впечатление», «Желание покоя», «Я много плакал. Тяжкое страданье», «Разорванность», Клюшников: «Ночная молитва», «Ночное раздумье», Губера: «Душе», «Могила», «На покой», «Бессонница», «Странник», можно назвать другие – все они очень близки по тональности, по сосредоточенности на анализе своих душевных движений, своего внутреннего мира, в который поэт стремится уйти из враждебного ему мира внешнего. Вместе с тем следует видеть, что при единстве темы разные поэты, особенно значительные, вносили в ее трактовку нечто свое. Это особенное, индивидуальное должно быть предметом особого внимания, потому что именно оно ведет к полноценному пониманию психологического склада и творческого мира изучаемого нами поэта.

Исходя из этой установки, присмотримся к стихам Ивана Аксакова, в которых, на наш взгляд, нашли выражение психология и мироощущение лишних людей. Первое, что обращает на себя внимание, это сочетание, сосуществование и даже переплетение в них скептического углубления в себя и даже самобичевания с протестом против несправедливости существующих устоев. Мы отмечали его наличие у Баратынского, но у Аксакова оно выразилось гораздо более страстно и непримиримо. Начнем с сопоставления двух стихотворений, которое кажется особенно выразительным, потому что они были написаны одно за другим: стихотворение «С преступной гордостью обидных» было написано 22 ноября 1845 г., а «Вопросом дерзким не пытай» – на следующий день, 23 ноября. Тональность первого из них – ярко выраженная тональность инвективы, что может быть объяснено собственным указанием поэта на то, что оно обращено «к Петербургу и к светским людям вообще» [14, 281]. Это объяснение выглядит естественным, если принять во внимание острое неприятие славянофилами Петербурга. Вспомним хотя бы гневные строки К. Аксакова:

Нигде и ни в какое время
 Тому руки я не подам,
 Кто чтит тот град, народа бремя,
 Всея России стыд и срам,
 Кто, разорвав с народом связи,
 Москве и Руси изменив,
 Ползет червем в столицу грязи... [15,383].

Так что адресация тех гневных укоров и обличительных тенденций может быть иной и более широкой. Для нас, однако, важна не столько она сама по себе, сколько эмоциональная тональность произведения. А она впечатляет своей эмоциональной напряженностью:

С преступной гордостью обидных,
 Тупых желаний и надежд,
 Речей без смысла, дум постыдных
 И остроумия невежд,
 В весельях наглых и безбожных,
 Средь возмутительных забав
 Гниете вы, – условий ложных
 Надменно вытвердя устав!
 Блестящей светской мишурою
 Свою прикрывши нищету,
 Ужель не видите порою
 Вы ваших помыслов тщету? [16,63-64].

Казалось бы, что здесь от раздумий, характерных для лишнего человека, с присущими им сознанием своего бессилия перед судьбой, стремлением к уходу себя, противопоставлением своей отрешенности и бренности окружающего мира. Однако пройдет лишь один день, из-под пера поэта выйдут совсем другие строки:

Вопросом дерзким не пытай
 Судьбы таинственных велений,
 Поднять завесы не мечтай,
 Не разрешай своих сомнений
 И не тревожь в тиши ночной
 Видений злых готовый рой!.. [16,64- 65].

Нет места ни сомнениям, ни колебаниям: каждая из четырех строф стихотворения завершается восклицательным знаком! И вот *на следующий день* поэт посылает эти стихи родным и сопровождает их такой характеристикой: «Не знаю, передают ли они то впечатление, которое я испытывал при писании их: мне сделалось так жутко и страшно, что холодный пот выступил по телу. Есть такие мысли, что если б они всем объемом своим вместились в сознание человека, то, кажется, разрушился бы человек. Но, перечитывая стихи, опять вижу, что все это не то» [14, 220].

Хорошо, что в данном случае мы имеем этот ценнейший автокомментарий, а ко многим другим столь же категорически, столь же убежденно звучащим монологам его нет. Но трудно избежать допущений,

что подобным образом он мог бы оценить и другие стихотворения: перечитал и увидел, «что все это не то». Именно учитывая, в полной мере оценивая эту особенность творческой психологии Аксакова, можно увидеть в его лирике отпечаток мироощущения лишнего человека. Некое завершающее раздумье о лишних людях видится нам в стихотворении «Мы все страдаем и тоскуем», написанное в 1846 г. (по другим сведениям – в 1847). В данном случае дата заслуживает особого внимания. Еще не написана книга Герцена «О развитии революционных идей в России» с содержащимся в ней анализом проблемы лишнего человека. Пройдет более десятилетия, прежде чем эта проблема станет предметом острой дискуссии между «Колоколом» и «Современником», прежде чем появятся статьи «Лишние люди и желчевики» Герцена, «Что такое обломовщина?» Добролюбова и ряд других. Поэтому пророчески звучали уже первые ироничные и осудительные строки:

Мы все страдаем и тоскуем,
С утра до вечера толкуем...

И дальше следуют те самые обвинения, которые не раз будут звучать в адрес лишних людей:

Работы черной
Нам ненавистен труд упорный;
Не жжет нас пламя наших дум,
Не разрушительны страданья!...
Умом ослаблены мечтанья,
Мечтаньем обессилен ум! [16,85].

Перечень подобных примеров может быть значительно умножен. Но думается, и приведённых достаточно для вывода: лирический герой Аксакова своеобразно и выразительно воплотил в себе существенные идеологические и психологические черты того феномена русской жизни середины XIX века, который мы называем лишним человеком.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дементьев А.Г. Поэзия Ивана Аксакова / А.Г. Дементьев, Е.С. Калмановский // Аксаков И.С. Стихотворения и поэмы. – Л.: Сов. писатель, 1960. – С. 5 – 30.
2. В. Г. Белинский в воспоминаниях современников / [ред. Ф. М. Головенченко]. – М.: Гослитиздат, 1948. – 454 с.
3. Полонский В.П. Михаил Александрович Бакунин. Жизнь и деятельность. Мышление / В.П. Полонский. – М.;Л. Гос. изд-во, 1925. – Т. 1. Бакунин-романтик. – 1925. – 418с.
4. Григорьев А.А. Стихотворения, поэмы, драмы / А.А. Григорьев. – СПб.: Академ. проект, 2001. – 760 с.
5. Горький М. История русской литературы / М. Горький. – М., –1939. – 176с.
6. Фризман Л.Г. Творческий путь Баратынского / Л.Г. Фризман. – М.: Наука, 1966. – 142 с.

7. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. / В.Г. Белинский; [под ред. С.А. Венгерова]. – М.: Изд. АН СССР, 1953 – 1956. – Т.11. – 1956. – 718 с.
8. Герцен А. Полное собрание сочинений и писем: в 21 т. / А. Герцен; [под ред. М.К. Лемке]. — П.: Лит. изд. отд. Наркомата по просвещению, 1919. — 1925. – Т.2. – 1919. – 539 с.
9. Озеров Л.А. Поэзия Тютчева / Л.А. Озеров. – М.: Худ-ная лит-ра, 1975. – 112 с.
10. Огарев Н.П. Избранные стихотворения и поэмы / [под ред. Я. З. Черняка]. – М.: Гослитиздат, 1938. – 457 с.
11. Станкевич Н.В. Переписка / Н.В. Станкевич. – М.: Изд-во; Образование, 1914.– 786 с.
12. Левин Ю. Д . Русский гамлетизм / Ю.Д . Левин // От романтизма к реализму. – Л.: Наука, 1978. – С. 189 – 236.
13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. / А. С. Пушкин. – М.– Л.: Изд. АН СССР, 1937 – 1949. Т. 3. – 1937. – 520 с.
14. Аксаков И. С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: в 4 т. / И. С. Аксаков. –М.: Тип. М. П. Волчанинова, 1888– 1896. – Т.1 –1888. –466 с.
15. Поэты кружка Н.В. Станкевича / [сост. С.И. Машинский]. –[2-е изд.] –М.– Л.: Сов. писатель, 1964. – 648с.
16. Поэты кружка Н.В. Станкевича / [сост. С.И. Машинский]. –[2-е изд.] –М.– Л.: Сов. писатель, 1964. – 648с.

АННОТАЦИЯ

Лишний человек – феномен русской жизни и литературы середины XIX века. Как известно, наиболее совершенные образцы его воплощения в художественной литературе созданы в классических романах Лермонтова, Герцена, Тургенева. Но лишний человек был воплощен и в поэзии, он был лирическим героем многих стихотворений Баратынского, Лермонтова, Огарева, Ключникова и ряда других поэтов. В статье предпринята попытка исследовать в указанном аспекте лирику Ивана Аксакова, показать, что в его стихах отразились характерные особенности психологического облика лишних людей.

Ключевые слова: лишний человек, лирический герой, поэзия, лирика, психологический облик, классические романы.

АНОТАЦІЯ

Зайва людина - феномен російського життя і літератури середини XIX століття. Як відомо, найбільш досконалі зразки його втілення в художній літературі створені в класичних романах Лермонтова, Герцена, Тургенєва. Але зайва людина була втілена і в поезії, вона була ліричним героєм багатьох віршів Баратинського, Лермонтова, Огарьова, Ключникова і ряду інших поетів. У статті зроблена спроба дослідити в зазначеному аспекті лірику

Івана Аксакова, показати, що в його віршах відбилися характерні особливості психологічного образу зайвих людей.

Ключові слова: зайва людина, ліричний герой, поезія, лірика, психологічний вигляд, класичні романи.

ANNOTATION

Extra man is the phenomenon of the Russian life and literature of XIX century. As it is known, the most perfect examples of its embodiment in literature were created in the classic novels of Lermontov, Herzen, Turgenev. But once a person has been implemented in poetry, he became the hero of many lyrical poems by Baratynsky, Lermontov, Ogaryov, Klyushnikov and others. The article attempts to explore this aspect in the lyrics of Ivan Aksakov, to show that the main features of psychological profile of extra people were reflected in his poetry.

Key words: extra man, lyrical hero, poetry, lyrics, psychological aspect, classic novels.